

ВАСИЛЬ ТКАЧЕВ

Улица Бабушкина

Рассказ

У него действительно такая фамилия — Бабушкин. Только, в отличие от известного революционера, он был не Иваном Васильевичем, а Петром Михайловичем, среди друзей и близких у него было еще и прозвище — Почтальон. Откуда оно, это прозвище, взялось, спросите? Все очень просто: в свое время, когда Бабушкин жил в деревне, он работал несколько месяцев почтальоном, о чем особенно любит рассказывать каждому встречному. И хотя уже давно городской житель, прозвище сохранилось: Почтальон да Почтальон. И Бабушкин не сердится. «А что? Первая профессия — она с тобой навсегда. Приятно вспомнить: вот жизнь была — газеты и письма разносить! Легче легкого!..»

Теперь Бабушкин уже на пенсии, до этого работал на заводе электриком, и поэтому от нечего делать иной раз просто ходит по двору широким шагом, заложив руки за спину. Словно начальник, придирчиво осматривает близлежащую территорию. Иногда ему предлагают войти в складчину, и тогда мужчины распивают в беседке бутылку-две вина, рассуждают о жизни.

— Бабушкин, я сегодня на твоей улице был, — посмотрел как-то на Петра Михайловича сосед Игнатович. — Там мой кум дом купил. Смотрю, и правда, на прибитой к стене дома вывеске написано: улица имени Бабушкина. Ты что, можешь, и не знаешь, что твоим именем назвали улицу?

Петр Михайлович лениво отбивается:

— Да слышал, слышал! Как не слышал!.. Радио, кажись, тоже слушаю!..

— И не признается, мужики! — довольный своим розыгрышем, окинул взглядом присутствующих Игнатович. — И чего, думаете, молчит, не признается?

— Понятное дело!..

— Чтоб не проставлять!..

— Ценю за находчивость! — подытоживал разговор Игнатович. — Так что будем делать, Бабушкин? А? Почему молчишь, жадина? Магазин, кстати, вон рядом, вон!.. Он ждет тебя!..

Посмеялись, пошутили, на том и закончили. Уже чуть позже Бабушкин решил все же съездить на улицу Бабушкина, и хоть это не близко, за Сожем, где-то в частном секторе, — решился. Здесь, однако, оговоримся: если бы он опять не выпил стакан вина, возможно, его и не потянуло бы на ту улицу. Но — выпил и поверил, что она названа именно в его, Петра Михайловича, честь, а потому зазорно прожить жизнь и не побывать на улице, которой он пожертвовал свою фамилию.

— И не держите меня, и не отговаривайте!

«Улица Бабушкина», — объявил бодрый голос водителя автобуса.

— О, моя, моя улица! — оживился Бабушкин и важно посмотрел на пассажиров, которые на него не обращали никакого, конечно же, внимания, что даже

немного возмутило, потому на этот раз он сказал более громко: — Моя улица!.. Бабушкина!.. Петра Михайловича!.. — И молодецкато спрыгнул на землю.

Автобус поехал дальше, а Бабушкин остался на остановке. Стоял и с удивлением смотрел по сторонам с видом начальника высокого ранга, который приехал на важный объект, а его никто не встречает. Непорядок, одним словом. Но не стоять же так все время. Бабушкин взглядом измерил улицу вдоль и поперек, а потом распростер руки, радостно и возвышенно произнес:

— Так вот ты какая, моя родная! Ну, привет, что ли? Вижу, неважные у тебя дела. Чем докажу? А тем, что богато домишек, а не домов — по обеим твоим сторонам — разместилось. А где коттеджи? Особняки? Ну, три-четыре я вижу. И это на моей улице?! Прости, однако! Это не ты, улица, виновата, а городские власти. Они, они, скажу тебе честно, недосмотрели, промахнулись. Могли б дать имя Бабушкина и улицу в новом микрорайоне? Могли б! Около Ледового дворца, например. Идут на хоккей ватагой болельщики и читают: о, так это же улица Бабушкина! Легче идти было бы. Я убежден в этом. Для Мазурова, для Чичерина и им подобным нашлись улицы в новом микрорайоне, а мне, получается, — шиш. Хорошо еще, что дорогу отремонтировали, рытвин нет... Места для остановки автобуса неплохо оснащены, сказать нечего... Подожди, так тут, по моей улице, кроме автобусов, ничего больше не ходит? Ну да. А где троллейбусы? Кто скажет? Где, где троллейбусы?

Настроение у Бабушкина совсем испортилось, когда он узнал, что на его улице нет ни одной точки, где можно было бы посидеть с бокалом пива или с другим, более крепким напитком.

— Конец света!..

Бабушкин сел на скамью и пожалел, что ничего с собой не взял. Как же — приехал в гости, и с голыми руками. Нет чтобы угостить малышню, что вон около дороги развлекается. Он бы насыпал им конфет в горсти и сказал: «Это вам от того дяди, дети, именем которого названа улица, на какой вы живете и теперь вот рыщете... или играете, так сказать, в бадминтон и в мячик. Ах, вы не верите? Вам что, паспорт показать? Так смотрите, смотрите!..» Бабушкин даже вообразил, как дети прилипли к карточке в его паспорте, а более взрослые читают: Ба-буш-кин!.. Что, получили?!..

Тем временем подъехал очередной рейсовый автобус, из него вышел всего один человек, мужчина средних лет, щуплый, в светлой сорочке с длинными рукавами и в черной бейсболке, козырек которой находился над ухом, и направился в сторону Бабушкина. Поскольку человек тот шел неуверенно, Петр Михайлович поднялся, подал команду:

— Стоять!

Человек замер, не понимая, зачем и кому предназначался этот приказ, показывая на себя пальцем и не сводя глаз с Бабушкина, спросил:

— Вы... мне?

— Тебе, тебе!

— В чем, собственно говоря, дело?

— Как ты идешь по моей улице? Какими шагами? — Бабушкин приблизился к растерявшемуся мужчине. — Ты где находишься?

— В чем, собственно говоря, дело? — опять повторил вопрос человек с неуверенной походкой. — Ты кто? Не милиционер, случайно?..

Бабушкин поднес, как и мечтал недавно, поглядывая на детей, паспорт к лицу незнакомца, приказал:

— Читай! Фамилию, фамилию читай.

— Ба-буш-кин, — послушно прочитал тот, икнул. — А я, может, Дедушкин? Х-хи-хи-хи-и!..

— Ты мне здесь шутки брось, — посоветовал Петр Михайлович. — А теперь иди сюда. — Он подвел его к дому, на стене которого была прикреплена вывеска с названием улицы.

— А теперь читай здесь...

Незнакомец опять икнул, протер глаза рукавом, не сразу прочел:

— Улица имени Бабушкина. — Он выдержал паузу, посмотрел на Бабушкина, на вывеску, улыбнулся. — Нет, здесь что-то не так...

— Все так, дорогой мой: ты стоишь на моей улице.

— Ёшкина мать!..

— А ты как думал, земляк? На улице Бабушкина!..

Незнакомец, автоматически быстро вытерев ладонь правой руки о брюки, подал ее Петру Михайловичу:

— Будем знакомы: Тузиков Павел Егорович. Тысяча девятьсот...

— Не надо, дальше можешь не говорить, — прервал его Бабушкин. — Так что строго тебя предупреждаю: больше в таком виде, как сегодня, чтоб я тебя на своей улице не видел.

— Как пить дать!

— Я дважды не повторяю. У меня, может, есть характер. Есть, есть, конечно же. Если бы я был слабаком, сарделькой, какой черт назвал бы моим именем улицу, а?

— Не говори!.. Кто б назвал?.. Так как, говоришь, тебя зовут? А, прости, прости: Бабушкин. Так я на твоей улице, оказывается, и живу. И не знал! Слово даю — не знал! Живу и живу себе спокойно. А тут, выясняется, есть, существует где-то и человек, на улице которого я осел? Вот он, перед тобой. Далеко ходить не надо. Дай я тебя поцелую!

Бабушкин отвел руки Тузикова с растопыренными пальцами, которые тот наставил на него, подальше от себя:

— Если бы я со всеми целовался, знаешь, что со мной было бы, а?

— Чудеса, однако!.. — не мог успокоиться Тузиков. — Вон мой дом. Пойдем, гостем будешь!

— Посмотреть, как люди живут на моей улице, надо. Чтобы иметь представление. Ну, тогда пошли!..

— Жена как раз на второй смене. Она тоже была бы рада.

Вскоре они сидели за столом в передней, Бабушкин листал альбом, а Тузиков показывал пальцем, поясняя снимки. Перед этим он не побоялся оставить гостя одного в доме — а чего бояться, когда это вон кто! — и сбегал в магазин, принес бутылку водки. Поскольку денег у него не было, то их выделил Бабушкин. «Конечно же, именем бедняка улицу не назовут, — добродушно думал Тузиков по дороге в магазин и из магазина. — Вот повезло так повезло! Хоть раз!..»

Когда выпили по рюмке, Тузиков поинтересовался, какая у Бабушкина самая любимая песня. Тот сначала задумался, даже сморщил лоб, а потом ответил, будто отрезал:

— Я без гармошки не пою!

— А если балалайка?

— Так себе... Но не побрезгую, если будет хоть какой аккомпанемент.

— У соседа возьму! — пообещал Тузиков и улизнул из дома.

Пока он где-то бегал, Бабушкин посмотрел в зеркало, что висело на стене рядом со столом, сделал важный, серьезный вид и сам себе сказал: «А что, может, оно так и есть... Не знаю, кто тот Бабушкин, однако же, если брать по большому счету, какая разница — кто он, тот Бабушкин? Может, это улица всех Бабушкиных, которые живут на белом свете? В Москве, в Питере, в том

же нашем Гомеле? В Америке, если уж на то пошло, а? Натяните вам, Бабушкины, улицу! Нет, Петр Михайлович, ты родился в сорочке. А сосед, Игнатович, так и заявил: «Я, Петр, был на твоей улице». А ты, Игнатович, побудь на своей. Что, отхватил? Где она, твоя улица? В каком болоте? То-то же! И не каркать мне! Где, где вы видели улицу имени Филина? Имени Степана Игнатовича Филина? А моя — вот она, родная! Не беда, что пока не ходят троллейбусы. Пустим!»

— Кого «пустим»? — показался на пороге с балалайкой Тузиков.

— Это я про свою улицу. Пустим, говорю, и троллейбусы.

— Пустим! Обязательно! С оркестром! — тряхнул балалайкой Тузиков. — Гуляй, город!

Бабушкин поправил хозяина дома:

— Гуляй, улица Бабушкина. Прошу не обобщать. Кстати, и песню напишем. Я попрошу самого известного композитора...

— Лученка можно, — предложил Тузиков. — Он для нефтепровода «Дружба» вон какой гимн сочинил. Его, его возьмем за композитора.

— А слова сами сложим, — предложил Бабушкин. — Да, Павел?

— Как пить дать!

— Стукнемся! Пусть все слышат!..

— Кто лучше, чем мы, знает материал? Я здесь живу. Так? Так. Вон на том огороде... под грушей... моя пуповина зарыта, может быть. Или где-то рядом. А ты, Бабушкин, про свою улицу да чтоб не знал, какие слова придумать? Х-хе-хе-хе!..

— Найдем. Это все вторично, брат.

— Подожди, а что — первично? — Тузиков, как часто делал до этого, опять протер рукавом рубахи глаза: они у него почему-то слезились.

— Выпить надо, — признался Бабушкин.

— Так в чем дело?

— Наливай, — промолвил Петр Михайлович и почти прослезился. Еще немножко, и лицо будет мокрым.

— Что, что с тобой, брат Улица? — насторожился Тузиков.

— Потому и плачу, что очень хорошие люди живут на моей улице. От счастья.

— Здесь ты на все сто. Угадал. Лучших людей нет на всем белом свете.

— И это все благодаря моей улице! Она, как магнит, собрала вас в кучу. Ты веришь мне, Павел?

— Как пить дать!

— А еще плачу, что редко сам бываю на своей улице. Занят очень, государственных дел хватает. А хочешь, насовсем перееду сюда? Соседями будем — хочешь? Возьму и перееду? Кто запретит? О-го-го!..

— Дай пять!

Пожали друг другу руки.

— А это, кстати, идея. Голова еще варит.

— По тебе же видно, что не дурак.

— Хоть и прозвище у меня — Почтальон.

— Вот как, а!

— Не обращай внимания. После школы газеты и письма разносил. Меня почтальонская сумка и вывела в люди.

— Верю!

— Одному начальнику принес конверт, а он и давай интересоваться, кто я и что я. И посылает меня учиться на эле... Тыфу ты! На элеватор начальником. А потом и пошло-поехало. И закрутилось!..

— И пошло-поехало — вот как!.. Знай наших, однако!.. А Зинка на второй смене, змея!.. А у нас — праздник!.. Съела, Зинка? Получила?

— Я, Бабушкин, должен жить на улице Бабушкина. И только так. Все, решено: завтра переезжаю. Продаю свои апартаменты и покупаю здесь дом. Есть дом для меня?

— Найдем!.. Хе, проблема!..

Выпили за переезд, запели. Песня не пошла, поэтому некоторое время посидели молча. Бабушкин наконец вздохнул, помахал головой, положил руку на плечо хозяина дома.

— Я б добился, чтобы и твоим именем назвали какую-нибудь улицу в нашем городе. Вон сколько их, многоэтажек, возводят!..

— Добейся, друг! Век не забуду! Можно, я тебя поцелую?

— Потом. Не все сразу.

— Так в чем же дело?

— Не думай, у меня, где надо, свои люди есть. А как ты думал! Ого, люди!.. Однако же твоя фамилия — Тузиков — к улице никак не подходит. Ну, представь себе: висит вывеска, а на ней большими буквами написано: «Улица имени Тузикова». Кто такой? Откуда? Да и захотят ли люди жить на улице, которая носит такое собачье название? Подумай, Тузиков!..

— Хочешь, я фамилию жены возьму? У нее красивая фамилия — Потеруха. Как, а?

— Тогда это будет улица жены. А баб к таким серьезным делам допускать нельзя, а то наломают дров.

— Налломают! Как пить дать!.. Так как же быть, почтенный, а? Зуд какой-то у меня появился, хоть ты что ему!.. Не упустить бы свой шанс.

— Будем думать. Для чего у нас головы? Все, думаем!..

Тузиков сидел с очень печальным лицом. Бабушкин успокаивал его, а потом уснул. Проснулся он утром на диване. Поднялся, осмотрелся. Не сразу вспомнил, где находится, а когда разобрался, что к чему, тихонечко притворил за собой двери и потопал на автобусную остановку, боясь, что проснется Тузиков и бросится вслед за ним...

Он старался не вспоминать вчерашнее. Но как не вспомнишь, когда стоишь на улице Бабушкина — с другой улицы в город никак не въедешь: автобусы ходят только по ней...

Перевод с белорусского Татьяны ДЕРЕХ.

